

*Элмвуд-Спрингс, Миссури,
понедельник, 1 апреля*

09.28, +23°, ясно

«Ох-ох-ох!» — только и успела пробормотать Элнер Шимфизл, когда собирала на дереве инжир и ненароком задела осиное гнездо. Очнулась она, лежа на спине в приемном покое больницы, зная не зная, как здесь очутилась. В поликлинике ее родного Элмвуд-Спрингс нет приемного покоя — не иначе как ее увезли в Канзас-Сити, а то и дальше. «Ну и утречко!» — подумала Элнер. Всего-то ведь и хотелось — набрать инжиру на баночку варенья для той милой женщины, что принесла ей корзинку помидоров. А теперь над Элнер склонился юнец в зеленом балахоне и в зеленой же купальной шапочке, таращит глаза и что-то быстро-быстро говорит пятерым другим, что снуют взад-вперед по палате, тоже в зеленых балахонах, купальных шапочках и зеленых бахилах. Почему не в белом? С каких это пор врачи не носят белых халатов? В последний раз Элнер была в больнице тридцать четыре года назад, когда ее племянница Норма родила Линду; все врачи и сестры тогда были в белом. А ее соседка Руби Робинсон, дипломированная

медсестра, и сейчас носит белоснежный халат, накрахмаленный белый колпак с «крылышками», белые туфли и чулки. Доктор в белом халате куда больше похож на доктора, чем эти ребята в мятых зеленых балахонах гадкого оттенка.

Элнер всегда была равнодушна к людям в форме и, когда племянница с мужем в прошлый раз водили ее в кино, даже расстроилась, что билетеры форму больше не носят. Точнее, нет теперь никаких билетеров — будь любезен, ищи сам свое место. «Ну и ладно, — вздохнула про себя Элнер. — Значит, есть на то причины».

Элнер вдруг забеспокоилась: выключила ли она духовку, перед тем как выйти во двор за инжиром, и покормила ли кота Сонни? А о чем это, интересно, толкует паренек в дурацкой купальной шапочке и остальные, что склонились над ней и тычут пальцами? Губы-то шевелятся, но слов не разобрать — слуховой аппарат остался дома, слышно лишь попискивание приборов. Стало быть, надо вздремнуть, а там подоспеет племянница Норма и заберет ее отсюда. Скорей бы домой, проведать Сонни и проверить плиту... хотя встреча с Нормой сулит неприятности. Норма — особа весьма нервная. Когда Элнер в прошлый раз свалилась с лестницы, племянница строго-настрого запретила ей лазить за инжиром — дескать, на это есть Мэкки, муж Нормы. Элнер обещала всякий раз его дожидаться, а теперь нарушила слово, так что скандала не миновать. Мало того, поездка на «скорой» наверняка влетит ей в копеечку. Несколько лет назад ее соседка Тотт Вутен наступила на ключую морскую рыбу, попала в больницу, и с нее содрали бешеные деньги. Все-таки надо было позво-

нить Норме, подумала Элнер. Она и собиралась позвонить, но жалко было дергать беднягу Мэкки из-за такого пустяка. Да и откуда ей было знать про осиное гнездо? Если б не осы, она спокойно спустилась бы и сейчас варила инжирное варенье, а Норма осталась бы с носом. Это все осы виноваты; никто их, между прочим, не звал. Но для Нормы любые отговорки — пустой звук. «Плохо дело, — успела подумать Элнер, засыпая. — Не видать мне лестницы до конца моих дней».

Беспокойная племянница

08.11

В то утро Норма Уоррен, миловидная брюнетка лет шестидесяти с небольшим, листала у себя дома каталог постельного белья со скидками, раздумывая, что заказать — желтое синелевое покрывало в цветочек на тон темнее или то хорошенькое, из стопроцентного хлопка, в рюшечках, с полосками цвета морской волны на белоснежном фоне. И в эту минуту позвонила Тотт Вутен, соседка тети Элнер и личный парикмахер Нормы, и сообщила, что тетя Элнер опять упала с дерева. Уронив трубку на рычаг, Норма бросилась на кухню и подставила лицо под ледяную воду, чтобы не лишиться чувств — от волнения она легко теряла сознание, — а потом схватила трубку телефона на стене и набрала номер мобильного Мэки.

Мэки, заведующий отделом скобяных товаров в магазине «Все для дома», глянул на экран и ответил на звонок:

— Что стряслось?

— Тетя Элнер опять упала с лестницы! — в отчаянии выпалила Норма. — Лети к ней, срочно! Вдруг

она кости переломала? Вдруг насмерть расшиблась? Просила же я забрать у нее лестницу!

Мэкки за сорок три года семейной жизни привык к истерикам жены, особенно по поводу тети Элнер.

— Ну-ну, Норма, угомонись. Наверняка все в порядке. До сих пор-то не разбивалась насмерть, верно?

— Я ей вообще запретила лазить на лестницу, да разве она меня послушает?

Мэкки зашагал к выходу, мимо отдела сантехники, и у самых дверей окликнул продавца:

— Эй, Джек! Побудь тут за меня. Я скоро.

А Норма все тараторила в трубку:

— Как доберешься, сразу позвони, только не говори, что она умерла, мне не вынести такого горя... Ох, убила бы ее! Чуюло мое сердце, что этим кончится.

— Норма, повесь трубку и успокойся, посиди в гостиной, а я перезвоню через пару минут.

— Все! Сегодня же отберу лестницу. В возрасте тети Элнер не пристало...

— Норма, положи трубку.

— А вдруг она все кости переломала?

— Я перезвоню, — прервал ее Мэкки, сунул телефон в карман, вышел на стоянку позади торгового центра, сел в свой «форд» и помчался к дому Элнер. Он был научен горьким опытом: если с тетей Элнер что-то стряслось, то от Нормы одно беспокойство. Уж лучше пусть сидит дома, а он сам разберется.

Едва муж отключил телефон, Норма поплелась в гостиную, как он велел, но спокойно ждать звонка было выше ее сил.

«Богом клянусь, — думала Норма, — если она осталась жива, я не только лестницу у нее отберу, но